

На правах рукописи

Абакумова Евгения Владимировна

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.**

Специальность 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2014

Работа выполнена в Московском государственном университете
имени М.В. Ломоносова (юридический факультет)

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Новицкая Татьяна Евгеньевна,

Официальные оппоненты: **Кодан Сергей Владимирович,**
доктор юридических наук, профессор,
Уральская государственная юридическая
академия, Екатеринбург, кафедра теории
государства и права, профессор
Ефремова Надежда Николаевна,
кандидат юридических наук, профессор,
Институт государства и права РАН,
сектор истории государства и права и
политических учений, ведущий научный
сотрудник

Защита состоится 19 июня 2014 г. в 16 часов 00 минут на заседании
диссертационного совета Д 501.001.74 при Московском государственном
университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1,
Ленинские горы, д. 1, строение 13-14 (4 гуманитарный корпус),
юридический факультет, ауд. 535а.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной
библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова по адресу: Москва, 119992,
Ломоносовский проспект, 27, Фундаментальная библиотека, сектор А, 8
этаж, комната 812 и на сайте www.law.msu.ru

Автореферат разослан «__» _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Полянский П.Л.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ.

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена тем, что национальный вопрос традиционно оставался одним из самых животрепещущих. Касается это и России. Взаимоотношения с различными народами, населявшими многонациональную Российскую империю, выстраивались по-разному, но на протяжении всей истории России ни с одной национальной группой отношения не складывались так сложно, как с евреями. России оказалась знакома такая крайняя степень устойчивой неприязни, как антисемитизм - явление, хорошо знакомое Западной Европе. Антисемитские настроения встречаются в мире и в нашей стране до сих пор. В такой ситуации представляется важным вернуться к истокам «еврейского вопроса» и выяснить, каким образом наше государство осуществляло юридическое обособление евреев, как более двух веков назад начиналось формирование их особого правового статуса.

Предметом настоящего исследования является правовой статус евреев, сложившийся в российском законодательстве в 1772-1825 гг. **Объектом** исследования является российское законодательство, устанавливавшее правовой статус евреев, а также практика его применения.

Хронологические рамки исследования определены неслучайно. Если с древнерусских времен евреи появлялись в нашей стране в небольшом количестве и эпизодически, то именно в 1772 году к Российской империи были присоединены территории с многотысячным еврейским населением, в отношении которого государство должно было проводить определенную политику, заключающуюся прежде всего в определении субъективных прав и обязанностей. Вначале эта политика находилась в стадии формирования и была непоследовательной: издавались отдельные, в некоторых случаях противоречащие друг другу законы, государство методом проб и ошибок пыталось выработать линию поведения в отношении евреев. В таком виде законодатель действовал до конца правления императора Александра I. В дальнейшем правительство подходило к регулированию правового

положения евреев уже более системно и осмысленно. Программные цели государственной политики по отношению к евреям неоднократно менялись, что означало наступление нового этапа политики в еврейском вопросе. Для каждого такого этапа были характерны особенные проблемы и особенные правовые меры их разрешения; следовательно, каждый из этапов требует отдельного изучения, поэтому представляется целесообразным ограничить данное исследование рамками одного из таких периодов.

Исходя из того, что **целью** работы является изучение особенностей регулирования и эволюции правового положения евреев в России, определяются следующие **задачи исследования**:

- определить, как условия, при которых произошло вступление еврейского населения в подданство Российской империи, повлияли на законодательное регулирование их статуса;
- проанализировать факторы, оказывавшие влияние на формирование законодательства о евреях, и выявить причины достаточно частых изменений в общей направленности этого законодательства;
- установить причины закрепления в российском законодательстве особого статуса для евреев-подданных;
- выделить основные направления законодательной деятельности государства в отношении евреев;
- рассмотреть, насколько теории, излагаемые политиками, влияли на законодательство по еврейскому вопросу;
- рассмотреть правовые нормы, которыми для евреев устанавливался особый правовой статус, а также практику применения данных норм с точки зрения их взаимообусловленности, взаимного соответствия,
- выяснить, насколько вызванные ими социокультурные и юридические последствия соответствовали стремлениям законодателя и насколько они противоречили устремлениям еврейского населения в целом и его отдельных групп.

Методологическую базу исследования составляют как общие (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, абстрагирование, системный и структурно-функциональный подходы, моделирование), так и специальные

(хронологический (исторический), формально-юридический, сравнительно-правовой методы, метод периодизации) научные методы.

Эмпирическую базу исследования составили следующие материалы: нормативно-правовые акты Российской империи; неопубликованные материалы государственных архивов, содержащиеся преимущественно в фондах высших органов государственной власти и управления, а также в личных фондах государственных чиновников; опубликованные материалы; внутренние акты еврейских общин.

Степень научной разработанности темы исследования. В силу того, что еврейский вопрос на протяжении более чем двух веков является в России остроактуальным, соответствующим темам были посвящены тысячи, а возможно, и десятки тысяч разнообразных публикаций. Однако злободневность проблемы имела и обратную сторону: значительная часть работ носила публицистический характер либо была посвящена анализу современной автору ситуации. Исторические, а тем более историко-правовые аспекты этого вопроса, тем более применительно к рассматриваемому в настоящей диссертации периоду, освещались сравнительно нечасто. Тем не менее, среди исследователей, обращавшихся к теме истории российских евреев периода конца XVIII – начала XIX вв., можно назвать Е.К. Анищенко, С.А. Бершадского, М. Вишницера, Ю.И. Гессена, Н.Н. Голицына, Н.Д. Градовского, С.М. Дубнова, Дж.Д. Клиера, М.И. Кулишера, И. Левитаца, Ф.И. Леонтовича, П. Марека, А.И. Миллера, О.Ю. Минкиной, И.Г. Оршанского, Д.З. Фельдмана.

Однако, несмотря на наличие многочисленных исследований, эту тему нельзя считать исчерпанной. Высоко оценивая научную ценность работ указанных исследователей, нельзя не признать, что тема настолько обширна и многопланова, что остаётся широкое поле для исследований; Кроме того каждая эпоха накладывает свой отпечаток на представление о предмете исследования, меняются и методологические подходы к проблеме. Так, труды дореволюционных исследователей создавались, как правило, в общем русле общественной полемики по еврейскому вопросу и потому возникают сомнения в объективности и научной беспристрастности их авторов. Зарубежные авторы, чей интерес к этой теме оформился в эпоху

«холодной войны», по политическим причинам были лишены доступа к первоисточникам и вынуждены были строить свои исследования только на переосмыслении фактов, известных им из опубликованных ранее работ, что неизбежно ограничивало не только фактографическую базу, но и тематику исследований, а значит, и характер получаемых выводов.

Многие исследования, посвященные истории российских евреев в целом, придавали недостаточное значение рассматриваемому в настоящей диссертации временному этапу, концентрируясь в основном на позднейших периодах, когда законодательное регулирование осуществлялось более активно и обильнее освещалось современниками событий. Из-за этого не получил достаточного освещения целый ряд важных проблем, касающихся, в частности, правового статуса кагалов, внутреннего налогообложения еврейских общин, чиншевых правоотношений сельских евреев и помещиков, сословного статуса евреев и т.п. Сравнительно недавно по правовому положению евреев Российской империи в Ростове-на-Дону была защищена кандидатская диссертация Г.А. Козлитина и на ее основе подготовлена монография¹, а в Нижнем Новгороде была опубликована монография В.В. Егорова². Однако в работе Г.А. Козлитина периоду до 1825 года посвящена только малая часть сравнительно небольшого объема (131 с.), к тому же поскольку автор не опирается на архивные источники, монография не вводит в научный оборот новые данные. Монография В.В. Егорова также основное внимание уделяет более поздним периодам правового регулирования, и значительная часть важных законодательных актов либо совсем не упоминается, либо анализируется недостаточно подробно; кроме того, в качестве основного источника по данному периоду используются нормативные правовые акты, а некоторые документы регионального архива привлекаются только для освещения статуса евреев в конце XIX – начале XX века. Помимо этого, позиции автора настоящей диссертации не совпадают со взглядами вышеназванных учёных, что позволяет утверждать: настоящее исследование обладает **научной новизной**.

¹ Козлитин Г.А. Правовое положение евреев в Российской империи конец XVIII-XIX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 2004. Козлитин Г.А. Влияние национального вопроса на формирование законодательства на примере правового положения евреев в Российской империи конца XVIII-XIX вв. М., 2008.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что содержащиеся в ней материалы, а также сделанные выводы могут быть использованы для преподавания курсов истории отечественного государства и права, истории России, а также междисциплинарных курсов, посвященных тем или иным аспектам теории и истории межнациональных взаимоотношений. Выводы работы могут быть учтены при разработке нормативно-правовых актов и формировании государственной политики по национальному вопросу.

ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ.

1. К XVIII веку практически на всем европейском пространстве, в том числе и в Речи Посполитой, евреи имели специфический, отличный от остальных подданных статус. Этот принцип был воспринят и законодательством Российской империи после включения в ее состав бывших польских территорий, населенных евреями.

2. Правовое положение российских евреев с момента вхождения в Российскую империю отличалось двойственностью: с одной стороны, они выделялись в особую группу инородцев, наделяемых специальными правами и обязанностями в сфере самоуправления, расселения по территории государства, несения повинностей и т.п.; с другой стороны, они могли быть в ряде случаев приравнены по статусу к природным обывателям.

3. Нельзя говорить о наличии у правительства на протяжении всего рассматриваемого периода какой-либо четко сформулированной программы действий в отношении еврейского населения. В конце XVIII – начале XIX вв. государственная политика по еврейскому вопросу была непоследовательной, цели и задачи законодателя на протяжении этого периода неоднократно изменялись. Можно выделить следующие этапы развития законодательства по еврейскому вопросу. В 70-е гг. XVIII века не было внесено сколько-нибудь значительных изменений в правовое положение евреев, сложившееся в Речи Посполитой до

² Егоров В.В. Правовое положение еврейского населения как предмет регулирования российского законодательства XVIII – начала XX веков. Н. Новгород, 2013. 231 с.

перехода евреев в российское подданство. В 80-е гг. ненадолго был взят курс на постепенное приравнивание статуса евреев к статусу подданных-христиан. В последнее десятилетие XVIII века были приняты дискриминационные меры, существенно ухудшившие положение евреев (установление черты оседлости, введение двойной подати, ограничение в участии в городском самоуправлении). На протяжении времени правления Павла I, а также первой половины правления Александра I (до 1815 года) поощрительные меры в отношении одобряемых правительством категорий евреев сочетались с довольно жесткой политикой в отношении тех евреев, занятия которых считались государством бесполезными. К концу правления Александра I ограничительные запретительные тенденции снова возобладали.

4. Основными факторами, влиявшими на установление особого правового статуса евреев, были: сохранение традиций российского и польско-литовского ограничительного антиеврейского законодательства; экономическая конкуренция христианского и еврейского купечества; стремление государства к проведению умеренных реформ.

5. В рассматриваемый период сохранение правовой обособленности не вызывало недовольства со стороны основной массы еврейского населения, абсолютное большинство которого не высказывало никакой заинтересованности в интеграции в христианское общество и поддерживало идеи социокультурной и правовой автономии еврейских общин.

Структура диссертации. В большинстве работ, посвященных истории российских евреев, материал сгруппирован по хронологическому принципу – правовые и социальные явления описываются и анализируются в порядке их возникновения, от более ранних к более поздним. Представляется, однако, более логичным рассматривать каждый из основных аспектов правового статуса евреев (право на участие в самоуправлении, право на расселение на территории Российской империи, обязанности по несению повинностей и т.п.) в отдельном разделе, выстраивая исследование в основном по предметному принципу. Такая структура позволяет более полно проанализировать каждую проблему,

сделать очевидными связи между нормами, регулирующими одну и ту же сферу отношений.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Диссертация структурно состоит из введения, пяти разделов, заключения, а также списка использованной литературы и источников.

В разделе 1, «Правовое положение евреев до вступления в российское подданство и условия их вступления в российское подданство», рассматриваются основы юридического статуса евреев в России и Речи Посполитой до 1772 года, а также анализируется, каким образом этот статус был адаптирован к вновь сложившимся условиям сразу же после первого раздела Речи Посполитой.

В разделе 1.1 - «Евреи в России до 1772 года» - приводится краткий обзор истории контактов русского государства с евреями. Согласно имеющимся в исторической науке сведениям, евреи в небольшом количестве жили на территории нашей страны и после легендарного изгнания их из Киева Владимиром Мономахом в 1113 году (Ипатьевская летопись), однако это не было массовым явлением, способным оказать существенное влияние на социальные процессы. Такое положение сохранялось до 1524 года, когда евреи, обвиненным в распространении ереси жидовствующих, были изгнаны из России. Запрет на въезд на территорию нашего государства, за незначительными исключениями, продолжал действовать до 1772 года. Это даёт возможность автору согласиться с точкой зрения, согласно которой накопленный опыт правового регулирования статуса евреев был в России чрезвычайно ограниченным и односторонним. Российские власти к концу XVIII века не знали об образе жизни, внутреннем устройстве и потребностях еврейских общин, что впоследствии вызвало значительные трудности при формировании «с чистого листа» законодательства, регулировавшего права и обязанности евреев.

Опираясь на известные факты о значительно более тесных отношениях с еврейской диаспорой правительства Речи Посполитой и автор в разделе 1.2 - «Правовое положение евреев в Речи Посполитой накануне их вступления в российское подданство». анализирует юридические формы этих отношений Автор исходит из положения, что в отличие от России, в Польше и Литве имела значительная еврейская община, и именно правовой статус членов этой общины впоследствии лег в основу статуса евреев, ставших подданными Российской империи. Права и обязанности евреев Речи Посполитой устанавливались в основном специальным законодательством, не распространявшимся на христианское население: с них взимались особые налоги, они не несли военную службу, на них не распространялось сословное деление и нормы магдебургского права, они пользовались широкой административно-судебной автономией. Такой порядок получил далеко идущие последствия: со временем в обществе укоренилась взаимная отчужденность между еврейским меньшинством и христианском большинством, мешавшая социокультурной интеграции евреев, а значит, затруднявшая и их юридическую эмансипацию.

В разделе 1.3 – «Условия принятия евреев в российское подданство в 1772 году» - рассматривается содержание первых правовых актов, принятых сразу же после первого раздела Речи Посполитой и закрепивших основу правового положения евреев в Российской империи. В первом из этих документов, «Наказе», обращенном императрицей Екатериной II к губернаторам белорусских губерний, образованных на присоединенных территориях, непосредственно не упоминается о евреях, однако содержатся общие декларации, гарантирующие всем жителям свободу вероисповедания, а также охрану личных и имущественных прав. Автор полагает, что эти гарантии, несмотря на их весьма общий и неконкретный характер, означали фактически коренной переворот в государственной политике – евреи, которые ранее на протяжении двух с половиной веков не были терпимы в российском государстве, теперь признавались в качестве подданных, чьи интересы подлежали защите со стороны властей. Исходя из анализа текста «Плаката о переходе Белоруссии к России», . автор приходит к выводу, что его формулировки отличаются значительной неопределенностью и по ним нельзя однозначно судить о том, каким был

объем признаваемых за евреями прав, в частности, должны ли они были приносить присягу на верность монарху, сохранялась ли кагальная организация, выражал ли этот правовой акт намерение в дальнейшем проводить ограничительную политику в отношении еврейского населения и т.п. Автор полагает, что, вероятно, «Плакат» следует рассматривать как преимущественно декларативный акт, который сам по себе не изменил тех отношений между государством и еврейской диаспорой, которые сложились на этих территориях до выхода их из состава Речи Посполитой. Более того, сам тот факт, что о статусе евреев упоминается в этом акте отдельно, означал, что российские власти восприняли польскую традицию выделения евреев в особую корпорацию, занимающую специфическое положение в обществе.

Раздел 2 - «Право евреев на расселение на территории Российской империи», посвящен рассмотрению юридических ограничений, касающихся территориального расселения евреев в российском государстве в 1772-1825 гг.

В разделе 2.1, «Формирование института черты оседлости», анализируется процесс постепенного введения и развития запрета для евреев селиться за пределами черты оседлости - ограниченного числа губерний и провинций, перечень которых определялся законодательно. Вплоть до 90-х гг. XVIII века центральное правительство однозначно не высказывало своей позиции по этому поводу. Автор обращает внимание на то, что важнейшим этапом в разрешении данного вопроса стало разбирательство, инициированное жалобой московских купцов, обвинявших приписавшихся к московскому градскому обществу еврейских купцов в нечестном ведении дел и требовавших введения для евреев запрета на переход во внутренние губернии. Исходя из всех данных, связанных с рассмотрением этой жалобы, делается вывод, что обвинения были вызваны преимущественно желанием устранить конкурентов в торговле. Однако государство удовлетворило жалобу московского купечества, ограничив расселение евреев пределами белорусских губерний. Автор доказывает, что введение нового существенного запрета было вызвано не столько осознанным желанием реформ, сколько внутренней логикой развития законодательства, низким уровнем юридической техники правовых актов и

делопроизводственным беспорядком, не позволявшим унифицировать правоприменительную практику. Рассматривая дальнейшее законодательство по этому вопросу, автор отмечает, что развивалось оно преимущественно в направлении изменения границ черты оседлости, в которую были постепенно включены территории, присоединенные в результате второго и третьего разделов Речи Посполитой в 1793 и 1795 гг., а также Малороссия, Новороссия, Бессарабия, Кавказская и Астраханская губернии (последние были через некоторое время снова исключены из черты оседлости). Вместе с тем, в диссертации отмечается, что запрет для евреев селиться во внутренних губерниях в рассматриваемый период не рассматривался большинством российских евреев как существенное ограничение их интересов, поскольку замкнутость и самодостаточность еврейских общин не давала их членам повода стремиться к внутренним миграциям.

В разделе 2.2 – «Право евреев на временный въезд во внутренние губернии после установления черты оседлости» - рассматривается вопрос о том, как на практике осуществлялась норма о введении черты оседлости. В диссертации показана противоречивость такой практики. Если сразу же после установления черты оседлости местная администрация перестала разрешать евреям даже временный въезд во внутренние губернии, то уже в 1800 году купцам евреям стали разрешать посещение территорий за пределами черты оседлости с целью ведения торговли. В диссертации прослеживается дальнейшее законодательство, отмечается его противоречивость и расплывчатость. По мнению автора, это весьма ярко демонстрирует, что пробелы и технические несовершенства в правовых актах приводили к их тенденциозному толкованию, а расширительные предвзятые толкования, в свою очередь, - к появлению новых правовых актов, ухудшавших положение евреев, в частности, ограничивавших для них свободу передвижения.

В разделе 2.3 – «Особые правила о проживании евреев в отдельных городах в черте оседлости» - анализируется процесс трансформации старинных польских норм, закреплявших для отдельных городов специальные привилегии, заключавшиеся в запрете евреям проживать в этих городах. Автор обращает внимание, что требования об изгнании евреев из таких городов, как Ковно, Каменец-Подольск, Киев, поступавшие

от христианских общин названных городов на протяжении рассматриваемого периода, опирались именно на полученные от польских королей привилегии. При рассмотрении этих споров в правительство всегда становилось на сторону евреев, однако их права на жительство каждый раз подтверждались только в отношении конкретного города. Таким образом, не произошло принципиального отказа от самой идеи существования отдельных городов-анклавов, куда не допускались бы евреи; позднее, за пределами хронологических рамок настоящего исследования, подобная позиция стала предпосылкой для высылки евреев из целого ряда российских городов, включая Москву и Киев.

Раздел 2.4 – «Особые правила о проживании евреев в Лифляндии и Курляндии» - посвящен анализу процесса формирования статуса прибалтийских евреев в Российской империи. В данном случае речь идет о выработке правового положения евреев в тех местах, где, в отличие от бывших территорий Речи Посполитой, практически не имелось традиции терпимости евреев ни в социально-бытовом, ни в юридическом смысле. Автор обращает внимание, что российское правительство, осознавая бесперспективность борьбы с естественным демографическим процессом проникновения евреев в российскую Прибалтику, вынуждено было, хотя и со многими оговорками, выступать в роли защитника еврейских интересов. При этом само содержание правового статуса прибалтийских евреев вырабатывалось различным образом: евреи Риги подвергались более строгим ограничениям, восходившим, вероятно, к средневековым европейским прецедентам; правовое положение евреев Курляндии, возможно, в силу того, что там имелась сравнительно многочисленная община конструировалось по образцу западных губерний.

В разделе 2.5 – «Запрет на проживание евреев в сельской местности» - анализируется длительный процесс борьбы между государством и еврейской диаспорой по поводу права евреев селиться за пределами городов. В разделе рассматривается, как во многом под влиянием польских и западноевропейских идей в Российской империи, сложилось представление о том, что сельские евреи не приносят государству экономической пользы и, более того, способствуют разорению и спаиванию крестьян. Вследствие этого, власти стремились добиться переселения таких евреев в города. На протяжении рассматриваемого

периода соответствующие распоряжения принимались в 1783, 1795, 1801, 1804, 1807, 1821, 1822 гг. Такая множественность правовых актов сама по себе позволяет автору сделать вывод о том, что на практике меры по переселению успеха не имели. Главной причиной этого был тот факт, что стремление государства выслать всех евреев в города было умозрительной идеей, которую в массе своей не поддерживали не только сами евреи, но и местные помещики и крестьяне, поскольку всем им было невыгодно разрушение веками складывавшихся устойчивых социально-экономических связей. Реализация объективно не обусловленной, потенциально вредной и крайне непопулярной меры оказывалась невозможной, какие бы усилия к этому не прикладывались правительством.

В разделе 2.6 – «Еврейская земледельческая колонизация» диссертации рассматривается и крайне неудачная попытка переселения евреев для колонизации Новороссии. Если в ходе выселений евреев из сельской местности государство пыталось бороться с «вредной» с точки зрения властей торгово-посреднической и арендаторской деятельностью евреев, то созданием еврейских сельскохозяйственных колоний оно планировало, наоборот, обратить их к занятиям, считавшимся полезными и достойными поощрения, одновременно поспособствовав колонизации Новороссии. На практике, однако, еврейская колонизация так и не стала массовой. При этом процесс создания колоний сопровождался многочисленными правоприменительными злоупотреблениями как со стороны чиновников, так и со стороны самих евреев. История еврейской колонизации в рассматриваемый период – еще один пример, доказывающий принципиальную невыполнимость утопических планов правительства, не опирающихся на реальные потребности управляемого общества.

Раздел 3 – «Личные и имущественные права евреев» - посвящена рассмотрению различных аспектов правового положения евреев, образовавших основу их статуса в рассматриваемый период.

В разделе 3.1 – «Сословные права евреев» - анализируются законодательство и правоприменительная практика, касающиеся разделения еврейского населения на сословные группы, представители которых наделялись различающимися правами и обязанностями. В диссертации

подробно рассматриваются изменения в государственной политике правительства, анализируются причины ее неудачи. Автор установил, что изначально, с 80-х гг. XVIII века, евреи были обязаны приписываться к городским сословиям – купечеству либо мещанству. Такое включение евреев в общую сословную структуру, нетипичное для государств того времени, должно оцениваться как позитивная мера, создававшая предпосылки для постепенной правовой эмансипации. Однако в 1804 году все евреи были заново подразделены на четыре состояния - земледельцев, фабрикантов и ремесленников, купцов, мещан. Такое деление имело целью изменить образ жизни евреев, стимулируя их путем предоставления привилегий к обращению к тем родам деятельности, которые поощрялись правительством. Кроме того, специфическая система четырех состояний означала возврат правительства к взгляду на евреев как на особую социальную группу, для которой должен был устанавливаться особый правовой статус.

Во разделе 3.2 – «Запрет на осуществление винокурения и ведение винной торговли» - рассматривается развитие законодательных мер, призванных лишить евреев права производства и продажи алкоголя, которое исторически было для них важным источником доходов. Автор тщательно анализирует этот очень важный элемент правового статуса евреев, выясняет, какие внешние факторы повлияли на правительственную политику. Обвинение правительством евреев в спаивании крестьян и провоцировании голод путем скупки зерна для нужд винокурения является, с точки зрения автора, чересчур упрощенным и тенденциозным взглядом на проблему. Участвуя в производстве и продаже вина, евреи были необходимым звеном, обеспечивающим функционирования этой важной отрасли экономики. Попытки государства запретить им это делать наталкивались на сопротивление как самих евреев, так и местного населения и потому на практике не привели к заметному результату.

В разделе 3.3 – «Государственное регулирование осуществления евреями торговли» - рассматривается ряд специальных правовых актов, регулировавших отдельные аспекты еврейской торговли. В частности, введение для них запрета на торговлю подержанной одеждой, установление порядка разрешения споров, возникавших между евреями-мещанами по поводу осуществления торговли. Эти нормы, формально касавшиеся

сравнительно мелких и малозначительных вопросов, тем не менее интересны для исследования, поскольку обстоятельства их появления и практика применения демонстрируют тот факт, что законодательство о правовом статусе евреев было недостаточно хорошо разработанным, внутренне противоречивым. Такая ситуация открывала простор для превратных толкований и злоупотреблений как со стороны властей, так и со стороны самих евреев.

В разделе 3.4 – «Право евреев свидетельствовать в суде» - рассматриваются обстоятельства юридического спора о возможности признания за евреями права давать свидетельские показания. Автор показывает, что законодатель в решении данного вопроса опирался не на традиционное в Речи Посполитой запрещение принимать евреев в качестве свидетелей, а исходило из присущего российскому законодательству принципа предоставления всех прав российских подданных народам, входящим в Российское государство.

Раздел 3.5 – «Права евреев в области религиозной деятельности» - посвящен рассмотрению аспектов правового положения евреев, связанных с вопросами организации их религиозной жизни. Необходимо признать, что политика в этой сфере в рассматриваемый период оказывалась сравнительно более мягкой, чем можно было ожидать от государства, считавшего православие своей государственной идеологией: так, власти практически не вмешивались в раскол между сектами митнагдим и хасидов, ограничивало полномочия раввинов только по весьма ограниченному кругу вопросов и т.п. В диссертации высказывается мысль, что такое терпимое отношение объяснялось тем, что государственная политика в отношении иудаизма в рассматриваемый период определялась необходимостью обеспечения управления еврейскими общинами; вмешательство во внутренние дела общин в то время не считалось необходимым.

В разделе 3.6 – «Государственное регулирование костюма евреев» - автор рассматривает попытки запретить евреям носить традиционный костюм как еще одну попытку сгладить их внешнее отличие от нееврейского окружения. В диссертации отмечается, что провал этой меры связан с многочисленными протестами евреев, не желавших отказываться от привычного костюма. Автор полагает, что проблема состояла в том, что

внешние меры, призванные подчеркнуть единство евреев с прочими российскими подданными, не могли дать результата, поскольку сохранялась внутренняя разобщенность .

Раздел 3.7 – «Государственное регулирование образования евреев и изучения ими европейских языков» - посвящен анализу тех мер, которые предпринимались в рамках регламентации еврейского образования. Комплексно оценивая политику в этой сфере, автор признает, что государством было сделано недостаточно для обеспечения полноценной культурной интеграции евреев в российское общество. – В частности отмечается, что обязательное знание русского, немецкого либо польского языка требовалось только от ограниченного круга лиц еврейской национальности, внедрение светских элементов в традиционное религиозное иудейское образование проводилось довольно вяло, а немногочисленные евреи, пытавшиеся получить университетское образование, сталкивались с противодействием со стороны царской администрации. По мнению автора, данная ситуация сложилась потому, что попытки просвещения евреев имели в основном утилитарную цель - снять языковой барьер, мешавший контролю чиновников за еврейскими общинами и отдельными их членами. Эти меры не должны были и не могли вызвать заметных социокультурных изменений в еврейской среде.

В разделе 3.8 – «Запрет на наем евреями работников-христиан» - рассматривается вопрос ограничения прав евреев на владение крепостными крестьянами, а также на наем христианской домашней прислуги. Подобная практика еще до разделов Речи Посполитой была запрещена как польско-литовским, так и российским законодательством, однако в реальности этот запрет часто нарушался. В рассматриваемый период был издан ряд нормативно-правовых актов, подтверждавших, что евреи не имеют права в какой-бы то ни было форме пользоваться трудом работников-христиан. Однако обвинения евреев в чрезмерном обогащении за счет крестьян и в совращении слуг-христиан в иудаизм, выступавшие мотивом для принятия этих указов, фактически не соответствовали действительности. При этом вынужденный отказ от передачи западнорусскими помещиками своих земель с крестьянами в аренду евреям, а также лишение еврейских семей христианской прислуги не могли не создать значительных неудобств для экономики региона в целом (?). Следовательно, политика государства в

этой сфере должна быть оценена негативно как необоснованная и не отвечающая социально-экономическим потребностям подданных.

В четвертой главе – «Права евреев в области самоуправления» - рассматривается правовое регулирование вопросов, касающихся организации самоуправления внутри еврейских общин, а также участие евреев в общем городском самоуправлении.

Раздел 4.1 – «Кагальное самоуправление еврейских общин» - посвящен рассмотрению статуса кагалов. Объем компетенции, признаваемой за органами еврейского самоуправления, несколько раз менялся на протяжении рассматриваемого периода. После первого раздела Речи Посполитой они некоторое время сохраняли широкие административные, фискальные и судебные полномочия, которыми пользовались еще в польско-литовском государстве. Затем, в начале 80-х гг. XVIII века, в результате приписки евреев к городским сословиям, означавшей включение евреев в систему общих городских органов самоуправления, в компетенции кагала остались только религиозные и околорелигиозные вопросы. Такое ограничение автономии вызвало протесты евреев, и в 1786 году кагалам было вновь возвращено право осуществлять перераспределение налогов в общинах и контролировать передвижения евреев путем выдачи им паспортов. В 1804 года выбранные члены кагала должны были утверждаться губернской администрацией.

Вопрос о том, негативно или позитивно следует оценивать государственную политику в отношении кагалов, является одним из самых дискуссионных среди исследователей. В диссертации высказывается мнение, что на самом деле в тот период было бы неправильным как резкое упразднение кагальной организации, чреватое потерей контроля над еврейской диаспорой, так и полное сохранение кагальных привилегий, которое во многом закрыло бы пути к интеграции евреев российское общество. Ошибкой властей следует считать не то, что кагалы не были отменены решительным постановлением, а то, что после 1804 года на несколько десятилетий был забыт курс на постепенное сужение их полномочий.

В разделе 4.2 – «Участие евреев в общей системе самоуправления» - рассматриваются вопросы законодательного регулирования и

правоприменительной практики в сфере допуска евреев к избранию органов городского самоуправления – магистратов, ратуш, городских дум, бургомистров. Евреи, приписанные к городскому обществу, по логике сословно-корпоративного устройства не могли не получить некоторого влияния в общегородских органах самоуправления. В диссертации констатируется, что хотя избирательные права евреев были формально признаны, однако на протяжении рассматриваемого периода их доступ к городскому самоуправлению подвергался существенным ограничениям как со стороны законодателя (в частности, вне зависимости от реального этно-конфессионального состава населения каждого города евреям было разрешено занимать не более трети выборных должностей), так и со стороны чиновников, фактически оказывавших давление на процесс выборов. Хотя государственная политика в отношении участия евреев в самоуправлении и колебалась, в основе ее всегда лежала идея о том, что еврейская диаспора заслуживает в этом вопросе особого отношения.

Пятая глава рассматривает «Обязанности евреев по уплате налогов и несению иных повинностей».

В разделе 5.1 – «Особенности фискального статуса евреев» - анализируются общие аспекты, касающиеся обязанностей евреев по уплате государственных налогов. Первоначально, сразу после вхождения евреев в российское подданство, для них, как и ранее в Речи Посполитой, был введен особый специальный налог. С 80-х гг. XVIII века, в рамках наблюдавшейся в то десятилетие тенденции на сближение правового положения евреев с положением остальных подданных, с них стали взиматься уже не специальные налоги, а общие подати, следующие к уплате всеми представителями тех сословий, к которым евреи были приписаны. В то же время, определенная специфика фискального статуса евреев сохранялась – так, долгое время еврейки литовских губерний продолжали платить налоги наравне с мужчинами на основании старых законов, принятых еще до разделов Речи Посполитой. Самой же существенной мерой в этой области было проведенное в 1794 году удвоение податей, следующих к уплате всеми российскими евреями. В сфере налогообложения дискриминационное отношение государства к

евреям проявилось наиболее ярко, поскольку двойное налогообложение даже формально не было обусловлено никакими объективными причинами.

В разделе 5.2 – «Организация ревизского учета евреев в связи с проблемой собираемости налогов» - рассматриваются те организационные трудности, с которыми было сопряжено взимание податей с евреев. Разумеется, исполнение подданными их обязанностей перед государством всегда в той или иной степени сопровождается попытками уклонения. В случае с евреями проблема усугублялась некоторой недостаточностью правового регулирования (так, вопросы уплаты налогов немощными и неимущими членами общин были разрешены государством только в самом конце рассматриваемого периода), а также многовековой привычкой евреев к фискальной автономии, стимулирующей их к уклонению от ревизского учета, а значит, и от несения повинностей. В целом можно сделать вывод о том, что в первые пятьдесят лет после принятия евреев в подданство, российское государство не сумело обеспечить тот уровень административного контроля за численностью и персональным составом еврейских общин, который позволил бы организовать надлежащее исполнение ими обязанностей перед казной.

В разделе 5.3 – «Обязанность евреев по исполнению воинской повинности» - анализируются специфические механизмы, обеспечивающие выполнение евреями возлагавшейся на них, как и на иных представителей податных сословий, обязанности по несению военной службы. Специфическими эти механизмы были потому, что евреи не допускались к непосредственной армейской службе – вместо этого на них был наложен особый денежный рекрутский налог. Евреи в то время считались негодными к призыву в солдаты не только в России, но и в большинстве других стран; однако особенность заключалась в том, что только в нашем государстве это рассматривалось прежде всего не как констатация неполноценности и ненадежности евреев, а как особая привилегия, освобождавшая их от тягот рекрутской службы. Тем не менее, к концу рассматриваемого периода все чаще предлагались проекты, авторы которых, наоборот, рассматривали службу евреев в армии как возможный канал их русификации и как способ уменьшения их количества в черте оседлости. Именно такой подход возобладал на следующем этапе развития

законодательства, регулирующего выполнения евреями воинской повинности.

Раздел 5.4 – «Права евреев в области самообложения внутриобщинными сборами» - посвящен вопросам взимания кагалами денежных сборов, расходуемых на внутриобщинные нужды. Общая тенденция, определяющая правовое регулирование этих вопросов, заключалась в том, что на протяжении рассматриваемого периода государство постепенно позволяло себе все сильнее вмешиваться в определение способов взимания и расходования таких сборов. С одной стороны, это ограничивало возможности для коррупционных нарушений со стороны кагальной верхушки, но, с другой стороны, на практике это часто означало направление собранных средств исключительно на погашение долгов перед казной в ущерб внутренним нужд общин. Вместе с тем, следует отметить, что полного государственного контроля над расходованием общинных сборов к концу рассматриваемого периода еще не было установлено.

Другим обстоятельством, свидетельствующим о сохранении относительной фискальной автономии евреев, являлось право на перераспределение сумм государственной подати между членами еврейских общин, которое рассматривается в разделе 5.5 – «Организация внутриобщинного перераспределения налогов среди евреев». Автор отмечает, что хотя в большинстве случаев евреи формально были обязаны уплачивать в казну одинаковые подати вне зависимости от их имущественного положения, на самом деле кагалы имели право корректировать суммы, фактически вносимые каждым из членов общины. Внутри еврейских общин действовала сложная разветвленная система норм, регулирующих принципы и формы взимания средств, расходуемых на погашение податных обязательств перед казной и позволяющих крайне точно определять реальную платежеспособность каждого еврея.

В разделе 5.6 – «Обязанность евреев по уплате обязательных платежей в пользу помещиков» - проводится анализ чиншевых правоотношений, сложившихся между евреями и владельцами сельских имений. Сущность таких правоотношений состояла в предоставлении евреям земельных участков на праве пожизненного наследуемого держания с условием регулярной уплаты чиншевых сборов в пользу помещиков-

собственников этой земли. При возникновении между евреями-чиншевиками и помещиками споров относительно размеров чиншевых сборов власти на практике чаще всего принимали сторону евреев, вынося решения их пользу. Однако сам факт необходимости уплаты чинша подтверждался и даже обеспечивался законодательством. Это означало, что государство, прилагавшее, как уже упоминалось, усилия к выселению евреев в города, в то же время укрепляло финансовые и деловые связи между сельскими евреями и владельцами поместий. Это можно считать наиболее ярким из множества примеров непоследовательности государственной политики по еврейскому вопросу.

В разделе 5.7 – «Податной статус караимов» - рассматриваются специальные нормы, касающиеся налогообложения караимов – небольшой этно-конфессиональной группы, придерживающейся вероисповедания, сходного с иудейским. В 1795 году было законодательно уточнено, что обязанность уплаты двойных податей, введенная годом ранее для евреев, на караимов не распространяется. Таким образом, в рассматриваемый период караимы, в отличие от евреев, были приравнены в фискальном отношении к христианскому населению империи. Впоследствии, за пределами рассматриваемого периода, это стало формальной юридической предпосылкой для их постепенной полной правовой эмансипации.

Раздел 5.8 – «Податной статус евреев, принявших христианство» - посвящен вопросам правового положения выкрестов. В рассматриваемый период законодательство о крестившихся евреях в Российской империи развивалось почти исключительно в направлении регулирования их фискального статуса. В частности, определялось, что они должны уплачивать подати наравне с остальными подданными-христианами, уточнялся порядок их приписки к податным сословиям, вводились дополнительные налоговые льготы для тех выкрестов, которые пожелали бы вступить в Общество израильских христиан, и т.п. Таким образом, политика по вопросу крещения в конце XVIII – начале XIX вв. сводилась к применению мягких поощрительных мер фискального характера.

В заключении диссертации содержатся основные выводы, которые можно свести к следующему.

1. В современной литературе, посвященной истории российских евреев, обычно делается акцент на религиозных и националистических причинах их дискриминации. В определенной мере это справедливо. Однако в рассматриваемый период политика по еврейскому вопросу имела не только эмоциональные, но и гораздо более рациональные основания. Так, установление черты оседлости имело целью защитить от конкуренции русских купцов, выселение евреев из уездов – избежать разорения крестьян, подтверждение полномочий кагалов – обеспечить сбор податей с еврейского населения. Таким образом, вводя для евреев особый правовой статус, правительство руководствовалось в основном экономическими мотивами, т.е. осознанием особой роли евреев в экономической жизни российского общества.

2. Если отойти от идеологизации проблемы, можно заметить, что в конце XVIII – начале XIX вв. правовое положение евреев являлось не настолько стесненным, как принято полагать. Так, главным ограничением прав евреев в Российской империи традиционно считается существование черты оседлости, однако такое суждение применимо только к более позднему времени. По крайней мере до середины XIX века, когда интеграция евреев в российское общество еще только начиналась, запрет выезжать во внутренние губернии должен был показаться стеснительным только очень небольшой группе богатых купцов, заинтересованных в расширении дела на восток. Большинство евреев не имели ни средств, ни, что более важно, причин для того, чтобы покидать бывшие польские территории, на которых они традиционно проживали, и вряд ли придавали значение введению ограничений на расселение. Необходимость уплаты двойной подати оказывалась не настолько обременительной, как это может показаться на первый взгляд, если учесть, что общественная раскладка податей позволяла переложить тяжесть налогового бремени на наиболее обеспеченных членов общины. Кроме того, не следует забывать, что в конце XVIII века евреи в России не только ограничивались в правах, но и получали особые привилегии - освобождение от натуральной рекрутской повинности, а также право кагального самоуправления, гарантировавшее сохранение привычного уклада общинной жизни.

3. Окончательная эмансипация евреев произошла в России гораздо позже, чем в большинстве европейских стран. Не в последнюю очередь это произошло потому, что реализация потенциально перспективных реформ была плохо организована. Государство ограничивалось, по сути, разрозненными бессистемными мерами, то есть пыталось бороться только с отдельными недостатками, которые оно усматривало в жизни еврейского народа. Соответствующие реформы предпринимались непоследовательно, что в значительной мере предопределило их неудачу.

Сыграло свою роль и то, что государство, сосредоточившись на императивном регулировании в форме запретов и предписаний, практически не применяло к евреям дозволительных, стимулирующих мер, призванных поощрить принятие ими европейской культуры и европейских ценностей. Немногие усилия в этом направлении – например, обещание помощи колонистам-земледельцам, допуск евреев к светскому образованию – оказывались половинчатыми и явно недостаточными.

4. Нельзя однозначно оценить ту отчужденность, которая была присуща еврейским общинам на рубеже XVIII-XIX вв.; характеристика в данном случае будет различаться в зависимости от принимаемой политических идеологии. Негативное отношение к еврейской отчужденности характерно для сторонников идеи национального государства, которые считают высшей ценностью единство и сплоченность нации, понимаемой как совокупность всех граждан или подданных государства. Напротив, их оппоненты подчеркивают важность учета интересов и сохранения самобытности отдельных народностей, хотя бы даже в ущерб общегосударственным интересам. Нельзя дать однозначный ответ на вопрос, было ли постепенное сокращение автономии благом или злом для самих евреев. Разумеется, общинная замкнутость резко сокращала для них социокультурные, политические и (в меньшей степени) экономические возможности, но и ассимиляция, которая неизбежно должна была последовать за вмешательством государства в дела общин, тоже имела свои негативные стороны – например, появление внешних бюрократических ограничений и риск потери национальной идентичности. В этом несовпадении целей и стремлений правительства и евреев, а также в противоречивости последствий любых возможных в той ситуации

реформ и стоит искать истоки того глубочайшего конфликта, который сложился в российском обществе между христианским большинством и еврейским меньшинством позднее, к концу XIX века.

Изложенные выше выводы имеют преимущественно научное значение. Однако анализ механизма юридического регулирования положения евреев в дореволюционной России позволяет сделать также и практическое наблюдение, не утратившее актуальности в наши дни. Несложно заметить двойственность правового статуса евреев: на них распространялось действие общих узаконений, но только в части, не противоречащей специальному законодательству, предусматривавшему особые права и обязанности. Такая противоречивость правового регулирования, дававшая (при наличии соответствующей политической воли) возможность для превратного толкования норм, сама по себе была важным условием дискриминации. Как ни парадоксально это звучит, предоставление привилегий само по себе стало важной предпосылкой будущих дискриминационных мер, которые, по сути своей, являлись продолжением все того же исключительного отношения к евреям, только с радикальной сменой направленности. Если бы российские власти с первых лет после включения евреев в состав подданных не привыкли считать их отдельной социальной группой, требующей особого отношения, то, возможно, все внешние социально-экономические и религиозно-идеологические факторы, дававшие поводы для дискриминации, воспринимались бы уже несколько по-другому и не привели бы впоследствии к таким тяжким последствиям. Это показательный пример того, как технические и методологические несовершенства могут привести к содержательным порокам правового регулирования.

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры истории государства и права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Отдельные положения диссертации были изложены при подготовке доклада на конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2010».

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Абакумова Е.В. Повинности евреев в Российской империи в конце XVIII века // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2011. №4. С. 79-87 (0,75 п.л.).
2. Абакумова Е.В. Правовое регулирование еврейской земледельческой колонизации в Российской империи в начале XIX века // Евразийский юридический журнал. 2013. №12. С. 105-109 (0,85 п.л.).
3. Абакумова Е.В. Правовые основы кагального самоуправления еврейских общин в Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв. // Евразийский юридический журнал. 2014. №1. С. 97-102 (0,9 п.л.).